

0716664-1

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ЛОБАНОВА Любовь Валентиновна

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ:
ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ,
РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Казань - 2000

Диссертация выполнена на кафедре уголовного права
Волгоградского государственного университета

Научный консультант:

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор, академик МАН ВШ
КРУГЛИКОВ Лев Леонидович

Официальные оппоненты:

Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор
БОРЗЕНКОВ Геннадий Николаевич

Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор
ГОРЕЛИК Александр Соломонович

Доктор юридических наук, профессор
ЧУЧАЕВ Александр Иванович

Ледущая организация: Волгоградский юридический институт МВД РФ

Защита диссертации состоится 5 июня 2000 года в 10 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д.053.29.12 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук в Казанском государственном университете (420008, г.Казань, Кремлевская, 18, юридический факультет, ауд. №326).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского университета

Автореферат разослан «5» июня 2000г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

Р.М. Валеев

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000019799

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

В государстве, на конституционном уровне провозгласившем себя правовым, правосудие приобретает особое значение, становится важнейшим гарантом прав и свобод человека и гражданина (ст. 18 Конституции РФ). Но выполняя столь существенную роль, само правосудие также нуждается в охране, в том числе и с помощью уголовно-правовых средств, ибо в сфере процессуальных отношений отнюдь не изжиты деяния, являющиеся труднопреодолимым препятствием в решении задач судопроизводства, значительно ущемляющие законные интересы участников процесса, осложняющие осуществление ими соответствующих функций, нарушающие принципиальные законоположения. По своим последствиям, как верно подметил А.М.Ларин, подобные деяния сравнимы с наиболее тяжкими преступлениями¹.

Обращает на себя внимание и органичная связь таких посягательств с другими опасными формами поведения, с коррупцией. По данным ученых, приблизительно в 24 - 30% случаев взяточничества дополнительным объектом последнего становились общественные отношения в области борьбы с преступлениями и другими правонарушениями.

В структуре официально зарегистрированной преступности посягательства против правосудия занимают незначительное место.

¹ См.: «Круглый стол» - «Конституция Российской Федерации и совершенствование юридических механизмов защиты прав человека» // Государство и право. 1994. № 10. С. 15-16.

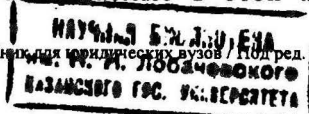
Например, их доля в общем количестве известных компетентным органам преступлений в 1986-1995 гг. составляла примерно 0,7-1 %².

В последние годы факты рассмотрения судами дел соответствующей категории приобрели единичный характер. В некоторые судебные органы подобные дела в 1997 – 1998 г.г. не поступали вообще.

Однако можно говорить и о высоком уровне латентности преступлений против правосудия. В этом убеждают, в частности, результаты опросов практических работников и анализ архивных уголовных дел и материалов. Так, следует обратить внимание на резкое несоответствие между официальной статистикой, отражающей применение положений ст.302 УК РФ (ст.179 УК РСФСР 1960г.), и действительным положением вещей в судебной следственной практике. За 10 лет (с 1989 по 1998г.г.) Волгоградским и Ярославским областными судами статья об уголовной ответственности за принуждение к даче показаний не применялась ни разу. В то же время 87,5% опрошенных нами адвокатов уверены, что незаконные методы воздействия на допрашиваемого – явление весьма распространенное. Утверждение о применении таких методов достаточно часто приводится в кассационных жалобах осужденных и их защитников (224 жалобы из 270 изученных). Нет должной реакции правоохранительных органов на факты лжесвидетельства. 99,01% проанкетированных (проинтервьюированных) нами юристов-практиков признали, что подобные факты почти никогда не влекут возбуждения уголовного дела.

Думается, что одной из причин безнаказанности лиц, совершивших общественно опасные деяния против правосудия, должны признаваться совершаемые в этой же сфере преступные

² Подробнее см.: Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. А.И.Долговой. М., 1997. С. 167.

посягательства. «Мы повседневно сталкиваемся, - справедливо замечает Ю.И. Стецовский, - с хроническими болезнями - фальсификацией уголовных дел, обвинительным уклоном, нарушениями прав человека»³.

Влияние на уровень латентности соответствующей группы преступлений оказывают и затруднения, испытываемые правоприменителями при квалификации преступных посягательств.

В этих условиях представляется весьма важным оценить потенциальные возможности уголовно-правовых предписаний, закрепленных ныне в главе 31 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Однако положения названной главы УК РФ отнюдь не демонстрируют филигранность законодательной техники. Нормативный материал размещен здесь с неоправданными, на наш взгляд, отступлениями от принципов построения системы Особенной части Уголовного кодекса. В итоге затрудняется поиск подлежащей применению в конкретном случае юридической нормы, осложняется решение вопроса о соотношении различных составов преступлений (лжесвидетельства и укрывательства; лжесвидетельства и заведомо ложного доноса; заведомо ложного доноса и провокации взятки и т.д.).

Ряд общественно опасных посягательств против правосудия оказался за пределами преступного (введение в заблуждение правоохранительных органов посредством инсценировки преступления; отказ в регистрации факта совершения преступного деяния, сокрытие его от учета; принуждение обвиняемого к даче показаний, совершаемое частными лицами; заведомо ложное

³ Стецовский Ю.И. Концепция судебной реформы и проблемы конституционной законности в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 1993. №9. С.4.

показание эксперта; и др.). Напротив, сохранение в рассматриваемой главе УК некоторых запретов не вызывалось потребностями развития общества, является криминологически необоснованным (отказ от дачи показаний, многие виды лжесвидетельства; и др.).

Погрешности в формулировках диспозиций отдельных статей главы 31 Уголовного кодекса России настолько существенны, что вызывают сомнения в возможности применения соответствующих уголовно-правовых норм.

Например, в законодательной модели провокации взятки (ст. 304 УК РФ) описание признаков деяния («попытка передачи...») не согласовано с характеристикой цели (искусственного создания доказательств совершения преступления), а указание законодателя на свойства субъекта в составе уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы (ст. 314 УК РФ) не отражает специфики объективной стороны данного преступления (ср., например: «лицо, которому предоставлена отсрочка исполнения приговора» и «невозвращение в места лишения свободы»).

Не все статьи УК, в которых регламентируется ответственность за посягательства против правосудия, позволяют получить точное представление о круге адресатов соответствующего уголовно-правового запрета или содержании последнего. Так, нет четкости в обозначении признаков субъектов преступлений, предусмотренных ст.ст. 305, 313, ст. 315 (в части воспрепятствования исполнению судебного акта) УК РФ. Свойства деяний, запрещенных ст.ст. 296, 299, 300, 302, 316 и др. УК РФ, отражены в законе недостаточно полно.

В свете сказанного видна необходимость творческого осмысления проблем классификации, законодательного моделирования и квалификации преступлений против правосудия.

Об актуальности научного поиска в данном направлении свидетельствует и обусловленная последней кодификацией уголовного законодательства новизна многих законоположений, включенных в гл. 31 УК РФ.

Степень разработанности проблемы

Вряд ли будет справедливым утверждение, что проблемы уголовно-правовой охраны правосудия не волновали отечественных ученых. Указанные проблемы неоднократно становились предметом диссертационных исследований (А.Т.Гужин, И.М.Черных, Д.Б.Бектибаев, И.С.Власов, М.А.Гаранина). Трудно переоценить значение для их разработки монографий и учебных пособий Я.М.Кульберга; И.С.Власова и И.М.Тяжковой; С.И.Тихенко; В.Д.Иванова; Ш.С.Рашковской; А.И.Чучаева; и др.

Юридический анализ отдельных групп и составов преступлений против правосудия содержится в трудах Г.И.Баймурзина; В.А.Блинникова; И.А.Бушуева; Г.Б.Виттенберга и П.Н.Панченко; В.И.Егорова; Ю.И.Кулешова; Н.А.Носковой; Б.Т.Разгильдиева; Н.Г.Радунцевой; В.Г.Смирнова; В.С.Фельдблюма (Устинова); М.Х.Хабибуллина; С.М.Юдушкина; и др.

Интерес к ней проявляли и такие ученые, как А.С.Горелик, П.И.Гришаев, Н.А.Егорова, А.А.Закатов, Б.В.Здравомыслов, Н.И.Коржанский, Г.Л.Кригер, Л.Л.Кругликов, В.Н.Кудрявцев, А.М.Ларин, М.Д.Лысов, В.П.Малков, В.В.Мальцев, А.В.Наумов, И.Л.Петрухин, А.Д.Прошляков, Р.А.Сабитов, А.Б.Сахаров, Б.В.Сидоров, Ю.М.Ткачевский, В.Т.Томин, В.С.Шадрин, М.Д.Шаргородский и другие теоретики уголовного и уголовно-процессуального права.

Но все же степень разработанности проблем уголовно-правовой охраны правосудия не может быть сочтена достаточной.

Во-первых, в последнее десятилетие активность ученых в исследовании обозначенной темы значительно снизилась, хотя в обстановке происходящей в стране правовой реформы, казалось бы, должен наблюдаться обратный процесс.

Во-вторых, целостная концепция уголовно-правовых средств защиты правосудия, основанная на новом Уголовном кодексе РФ, до сих пор отсутствует. Большинство работ, написанных на базе действующего законодательства, носит преимущественно интерпретационный характер. Развернутой обобщенной характеристики составов преступлений, предусмотренных гл. 31 УК РФ, в этих трудах не дается. Но выявление наиболее существенных особенностей посягательств против правосудия крайне важно для отграничения такого рода преступных деяний от преступлений, ответственность за которые регламентируется в других главах Уголовного кодекса. Многие из имеющихся работ не содержат научно-обоснованных рекомендаций по совершенствованию комментируемых статей закона, хотя последний не всегда позволяет найти ответы на вопросы, возникающие в судебной практике.

В-третьих, совершенно неудовлетворительно с точки зрения решения законотворческих и правоприменительных задач освещается в юридической литературе проблема классификации посягательств против правосудия. Ведь данный вопрос является ключевым как для построения системы соответствующих составов, так и для определения взаимосвязи отдельных уголовно-правовых норм в практической деятельности. Правосудие как объект уголовно-правовой охраны нередко представляется в виде монолитного блага, не имеющего внутренней структуры. В итоге отрицается целесообразность построения классификации рассматриваемых преступлений по признаку общности свойств

нарушаемых общественных отношений. Однако без такой группировки весьма проблематично произвести сравнение тяжести социально опасных деяний.

В-четвертых, недостаточно внимания уделяется проблемам дифференциации ответственности за преступления, совершаемые в сфере процессуальных отношений, и, прежде всего, таким ее [дифференциации] способам, как конструирование квалифицированных составов и регламентация специальных видов освобождения от уголовной ответственности.

В-пятых, для уяснения содержания соответствующих уголовно-правовых положений, выявления их недостатков, необходимы внимательное ознакомление с процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством, а также знание и учет проблем практического применения ГПК (АПК), УПК и УИК. Однако существующие работы, посвященные теме преступлений против правосудия, не носят комплексного характера.

Сказанным определяется выбор темы настоящего исследования.

Цели и задачи работы

Главными своими целями диссертант считает разработку отвечающей потребностям современного общества концепции преступлений против правосудия и создание теоретической основы для совершенствования регламентации ответственности за подобные посягательства.

Содержание указанных целей определяет следующие задачи диссертационной работы:

- уточнение определения понятия преступлений против правосудия; подробный анализ их специфических признаков;

- выявление структуры правосудия как защищаемого уголовным правом социального блага и построение на этой базе научно-обоснованной классификации рассматриваемых преступных посягательств;

- обоснование необходимости проведения дальнейшей работы по криминализации и декриминализации деяний, совершаемых в соответствующей сфере;

- анализ законоположений, включенных в гл. 31 УК РФ, в целях установления наиболее существенных недостатков в определении основания уголовной ответственности за преступления против правосудия;

- освещение проблемы дифференциации уголовной ответственности за названные общественно опасные деяния, выяснение возможностей для повышения эффективности использования средств такой градации;

- создание предпосылок для преодоления затруднений, испытываемых практическими работниками при квалификации посягательств, совершаемых в сфере правосудия;

- разработка предложений по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Методология и методика исследования

Методологическую основу исследования образует система философских знаний, определяющая принципы и предпосылки изучения различных, в том числе и социально-правовых явлений, в их постоянном развитии и взаимообусловленности, а также совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания действительности.

Исследование носит комплексный характер, в нем аккумулируются проблемы, имеющие значение как для науки уголовного права, так и теории уголовного процесса. В диссертации широко применяются методы логико-юридического и сравнительно-исторического исследования нормативных актов. Активно используется автором способ правовой компаративистики.

Закономерно и обращение диссертанта к таким приемам сбора и обработки эмпирического материала, как анализ архивных уголовных дел и документов об отказе в их возбуждении, анкетирование и интервьюирование практических работников.

Информационную и теоретическую базу исследования составили международно-правовые документы и положения Конституции РФ, предписания действующего уголовного, процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

С учетом заданной темы в работе использованы труды по философии, психологии, общей теории права.

В своем исследовании мы опирались также на уже имеющийся багаж теоретической мысли не только отечественных, но и зарубежных юристов, работавших над уголовно-правовыми проблемами, касающимися преступлений против правосудия ((Bernd (Бернд), Degener (Дегенер), Dreher (Дреер), Grünhut (Грюнхут), Hafter (Хафтер), Harro (Харро), Gerke (Герке), Rieß (Рис), Scharr (Шарр), Schmidt-Speicher (Шмидт-Шпайхер), Schröder (Шрёдер), Schwander (Швандер), Seebode (Зеебодe), Stoll (Штолль), Vormbaum (Формбаум), Weigend (Вайгенд), Wessels (Вессельс) и др.).

В диссертации использованы и труды таких дореволюционных авторов, как А.Э. Бардзский, Л.Е. Владимиров, В. Волжин, Г.Е. Колоколов, А. Лохвицкий, Н.А. Неклюдов, П.П. Пусторослев, Н.Н. Розин, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, Е. Хладовский и др.

Эмпирическую базу исследования составили результаты обобщения опубликованной практики применения на протяжении шести десятилетий норм, предусматривающих (предусматривавших) ответственность за преступления против правосудия, в том числе и отдельные решения, вынесенные немецкими судебными инстанциями, а также данные, полученные в результате изучения соответствующей категории архивных уголовных дел, рассмотренных рядом судов Волгоградской и Ярославской областей или прекращенных правоохранительными органами названных субъектов РФ в 1988-1999г.г., некоторые «отказные» материалы. Произведен анализ уголовных дел о преступлениях, предусмотренных другими главами Уголовного кодекса. Всего исследовано свыше 2000 дел и материалов (включая 339 дел и материалов о преступлениях против правосудия).

Автором опрошено 772 работника следствия, прокуратуры, адвокатуры и суда, чья практическая деятельность протекает (протекала) на территории Астраханской, Волгоградской, Вологодской, Кемеровской, Московской, Челябинской, Ярославской областей, Хабаровского и Алтайского краев, а также Республики Татарстан.

Научная новизна проведенного исследования

Диссертация является первой выполненной на базе Уголовного кодекса РФ 1996г. крупномасштабной разработкой проблем законодательной регламентации и дифференциации ответственности за преступления против правосудия. Она содержит более подробную, чем в других работах, общую характеристику данных преступных деяний. В ней предложена совершенно иная, отражающая структуру защищаемого уголовным правом социального блага, классификация

преступлений против правосудия. Анализ отдельных положений УК, исследование дифференцирующих свойств составов преступных посягательств осуществлены в диссертации с учетом состояния и перспектив развития смежных отраслей законодательства, прежде всего уголовно-процессуального. Впервые стал предметом непосредственного изучения вопрос о специальных видах освобождения от уголовной ответственности и квалифицирующих признаках как средствах градации подобной ответственности за преступления против правосудия.

Новизна работы заключается и в выносимых на защиту положениях, являющихся результатом решения сформулированных выше задач исследования.

В основном эти положения сводятся к следующему.

1. Структурное обособление составов преступлений против правосудия в рамках УК РФ является не случайным шагом российского законодателя, а предпринятым в результате поиска эффективных средств дифференциации основания и пределов уголовной ответственности.

2. Межгрупповым объектом посягательств, наказание за которые предусмотрено в статьях главы 31 УК РФ, служат общественные отношения, призванные обеспечить предпосылки, осуществление в рамках закона, а также реализацию результатов охранительной, познавательной-правоприменительной деятельности суда и содействующих ему органов и лиц.

3. Специфика объекта рассматриваемых посягательств определяет особенности большинства других свойств составов преступлений против правосудия, а также своеобразие изложения нормативного материала при описании подобных составов, в частности, обращение к бланкетной форме конструирования

диспозиции статьи уголовного закона, формулирование запретов и предписаний с использованием бланкетных признаков.

4. Деяние в этих преступлениях выражается преимущественно либо в форме существенного отклонения субъекта от своих процессуальных функций или невыполнения обязанностей, связанных с реализацией процессуальных актов, либо в форме воспрепятствования осуществлению подобных функций и обязанностей, в том числе в виде понуждения (принуждения) носителей таковых к поведению, мешающему решению задач правосудия.

5. Неквалифицированные составы преступлений, включенных в главу 31 УК РФ, по своей конструкции являются формальными. Исключение составляют лишь нормативные модели преступных посягательств, при описании которых законодатель в диспозиции статьи указал на последствия, от которых защищается дополнительный объект уголовно-правовой охраны (ст.312 УК РФ).

6. Субъекты многих преступлений против правосудия обладают специальными свойствами ((ст.ст.299-303, 305-308,310, 311, 313, 314, ч.1 ст.312, ст.315 (в части неисполнения судебного акта), ст.316 УК РФ).

7. Специфика содержания целей и мотивов, включенных в качестве обязательных признаков в некоторые составы рассматриваемых преступных деяний, заключается в следующем. Во-первых, ответственность ни за одно из преступлений, предусмотренных в главе 31 УК РФ, не ставится в зависимость от наличия корыстной или иной личной заинтересованности. Во-вторых, определяемый в законе идеальный результат соответствующих преступлений против правосудия всегда

противоположен задачам последнего (ст.ст. 294, 295, 304, 309 УК РФ). В-третьих, побуждения исполнителя посягательства, принимаемые во внимание законодателем, формируются под влиянием процессуальной деятельности или деятельности, значимой для исполнения процессуальных решений (ст.ст. 295, 296, 298 УК РФ).

8. Особенности определения пределов уголовной ответственности за преступления против правосудия проявляются в изменении границ относительно-определенных или альтернативных санкций по сравнению с минимумом и (или) максимумом санкций за сходные составы преступлений, в специфике конструирования квалифицированных составов, содержании квалифицирующих признаков, закреплении специальных оснований освобождения от уголовной ответственности.

9. Правосудие как защищаемое уголовным правом социальное благо обладает внутренней структурой, определяемой многообразием складывающихся в его сфере общественных отношений, позволяющим группировать соответствующие преступления с учетом общности признаков основного непосредственного объекта посягательств.

10. Первой операцией в построении классификации преступлений против правосудия должно быть отделение преступлений, нарушающих условия, необходимые для успешного осуществления процессуальных функций и исполнения процессуальных актов, от посягательств на общественные отношения, обеспечивающие выполнение конкретных задач, стоящих перед правосудием.

11. Каждая из этих групп преступлений может быть подвергнута дальнейшей классификации. На одном из этапов

построения подобной группировки следует учитывать в одних случаях содержание и тип задач, решение которых затрудняется соответствующим преступным деянием, а в других - значение нарушаемого общественного отношения для обеспечения предпосылок процессуальной и последующей деятельности. Учет целевого назначения соответствующих уголовно-правовых норм позволяет и более рельефно увидеть недостатки организации уголовно-правовой охраны правосудия.

12. Существующие уголовно-правовые средства защиты невиновного от осуждения и необоснованного обвинения представляются недостаточными и несовершенными. Для успешного решения соответствующей задачи уголовного процесса следует изменить формулировку ст.299 УК РФ с тем, чтобы данная статья предусматривала ответственность как за возбуждение уголовного дела в отношении заведомо невиновного лица, так и за умышленное продолжение производства по делу в случаях, когда закон предписывает его прекращение по реабилитирующим основаниям. Необходимым также представляются конструирование законодателем самостоятельных составов оговора заведомо невиновного лица и признание уголовно-наказуемыми действий, направленных на искусственное создание доказательств совершения преступления.

13. Формулировки законоположений, предусматривающих наказание за незаконное освобождение от уголовной ответственности и укрывательство, должны быть скорректированы в целях повышения их [законоположений] роли в достижении цели изобличения виновных, применения к ним справедливого наказания. В качестве возможного варианта предлагается диспозицию ст.300 изложить следующим образом:

«Освобождение прокурором, следователем или лицом, производящим дознание, от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, при отсутствии оснований и условий, указанных в уголовном законе».

14. Названием и содержанием ст.316 УК РФ должно охватываться укрывательство и преступления, и преступника.

15. Проблема приведения в соответствие наказуемости укрывательства и его особой, учтенной законодателем формы – лжесвидетельства – должна решаться путем установления ответственности за укрывательство тяжких преступлений и декриминализации лжесвидетельства в отношении преступлений, небольшой или средней тяжести, если таковое не сопряжено с обвинением конкретного лица и не повлекло тяжких последствий.

16. Указание в ст.302 Уголовного кодекса на такой способ совершения преступления, как «иные незаконные действия», в то время как последнее понятие не имеет конкретного определения в УПК и является собирательным, не позволяет правоприменителю получить четкое представление о признаках объективной стороны состава принуждения к даче показаний. По примеру уголовных кодексов других стран в ст. 302 УК РФ целесообразно перечислить те незаконные методы, которые способны значительно повлиять на выбор допрашиваемым (лицом, дающим заключение) варианта поведения.

17. Дополнительные уголовно-правовые гарантии требуются для успешного решения познавательных и правоприменительных задач правосудия. В этих целях представляется необходимым: 1) четко определить круг субъектов преступления, предусмотренного ст.305 УК РФ, который должен включать всех лиц, участвующих в

вынесении незаконного судебного акта; предусмотреть ответственность за совершение данного преступления по неосторожности; 2) установить в ст.303 УК РФ ответственность не только за применение тех способов искажения или сокрытия истины, которые охватываются термином «фальсификация доказательств», но и за использование с этой же целью иных приемов воздействия на содержание или форму доказательств, а также за отказ либо уклонение от процессуального закрепления полученных фактических данных или от приобщения к материалам дела имеющих доказательственное значение документов; включить в перечень субъектов данного преступления осуществляющих правосудие лиц; 3) установить ответственность за заведомо ложное показание эксперта; 4) прямо указать в законе на исключение из круга субъектов лжесвидетельства всех лиц, дающих показания по фактам, имеющим непосредственное отношение к их криминальному поведению, если ложное показание не было связано с оговором заведомо невиновного гражданина.

18. Отказ от дачи показаний должен быть декриминализован. При сохранении же ответственности за данное преступление, положения ст.308 требуется согласовать с содержанием ст.283 УК РФ.

19. Необходимость обеспечения обязательности судебных актов предопределила объявление преступным деянием побега из мест лишения свободы или из-под стражи. Однако при описании признаков преступления следовало бы прямо указать на цель уклонения от отбывания наказания, а также уточнить круг субъектов посягательства, сопроводив ст.313 УК РФ примечанием, разъясняющим понятие «лицо, находящееся в предварительном заключении».

20. Описание признаков субъектов преступления в составе уклонения от отбывания лишения свободы не отражает специфики объективной стороны регламентируемого в ст.314 УК РФ посягательства и не соответствует положениям Уголовно-исполнительного кодекса, в связи с чем предлагается изменить формулировку диспозиции указанной статьи, установить в последней ответственность за злостное уклонение осужденного от явки в суд.

21. Целесообразно усилить уголовно-правовые гарантии безопасности участников уголовного процесса. Для этого необходимо включить в перечень потерпевших от преступления, предусмотренного ст.309 УК РФ, обвиняемых и подозреваемых, более широко сформулировать цель данного посягательства, включить в ее содержание побуждение к отказу от дачи показаний.

22. Необходимость изменения отдельных законоположений, предусматривающих ответственность за преступления против правосудия, предопределяется важностью создания особых условий для осуществления некоторых процессуальных функций. Так, в целях укрепления уголовно-правовых гарантий осуществления судебной власти, предварительного расследования требуется реформирование ст.ст.294 и 297 УК РФ. Уголовно-правовой запрет, содержащийся в ст.294 УК РФ, должен быть распространен на всякое умышленное создание препятствий для отправления правосудия, проведения предварительного расследования, правильного решения вопроса о возбуждении уголовного дела, в том числе и совершенное путем бездействия. Поскольку авторитет судебной власти может пострадать в результате оскорбления участников не только центральной стадии процесса (судебного

разбирательства), но и иных судебных стадий, редакцию ч.1 ст.297 УК РФ требуется соответствующим образом уточнить.

23. Построение квалифицированных составов преступлений против правосудия следует рассматривать в качестве важнейшего способа дифференциации ответственности за подобные деяния. Законодатель, однако, использует соответствующие средства не в полной мере.

Недостаточно градируются пределы ответственности за лжесвидетельство. Если законодатель не пойдет по пути частичной декриминализации данного деяния, то в ранг квалифицирующих признаков такового следует возвести: 1)причинение тяжких последствий; 2)совершение тех же действий по предварительному сговору с другими лицами. Новая типовая санкция за принуждение к даче ложных показаний, совершенное организованной группой, должна быть распространена законодателем и на осуществление соответствующего деяния группой лиц по предварительному сговору.

24. Поскольку насилие при совершении преступных деяний, предусмотренных ч.ч.3 и 4 ст.296 УК РФ, может служить не только средством, подкрепляющим угрозу, но и самостоятельным способом принуждения, для построения рассматриваемых квалифицированных составов целесообразнее было бы избрать нетрадиционный способ конструирования, предполагающий воспроизведение в тексте диспозиции тех признаков основного состава, которые обязательны и для квалифицированного.

25. Специфика охраняемых главой 31 УК РФ общественных отношений – осуществление их в течение определенного отрезка времени и периодическая повторяемость – предопределяет целесообразность обращения к такому средству дифференциации

уголовной ответственности за рассматриваемые преступления, как специальные виды освобождения от подобной ответственности.

26. В целях повышения эффективности использования дифференцирующих свойств уголовного закона, представляется необходимым, во-первых, изменить редакцию Примечания к ст.307 УК, во-вторых, расширить круг специальных видов освобождения от уголовной ответственности за преступления против правосудия.

Названное Примечание должно содержать указание на преступление, в связи с которым лицо освобождается от уголовной ответственности, а также на такие условия подобного освобождения, как отсутствие вреда для других граждан или заглаживание этого вреда и исполнение обязанности дать правдивые показания. В законе целесообразно предусмотреть возможность освобождения от уголовной ответственности за предусмотренные в ч.1 ст.313 и ст.314 УК РФ преступления, основанием которого являлась бы добровольная явка гражданина в соответствующие учреждения или органы для отбывания наказания (исполнения процессуальных обязанностей).

Ст.306 УК РФ необходимо сопроводить примечанием, определяющим меры поощрения за добровольное заявление о ложности доноса со стороны виновного до возбуждения уголовного дела по сообщению, не соответствующему действительности.

27. Законоположение, закрепленное ныне в ч.2 ст.75 УК РФ, должно занимать иное место. Принципиальную возможность освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части Уголовного кодекса следует предусмотреть в отдельной статье, а не в статье о деятельном раскаянии, ибо не только последнее может служить основанием такого освобождения.

Практическая значимость исследования

Значимость работы определяется тем, что она посвящена достаточно актуальным в условиях кардинального обновления общества проблемам уголовного права.

Предложения и выводы, сформулированные в диссертации, могут послужить исходным материалом для дальнейших теоретических исследований вопросов систематизации, правовой регламентации и квалификации общественно опасных посягательств против правосудия, для создания новой законодательной модели соответствующей главы Уголовного кодекса, для улучшения деятельности правоохранительных органов.

В частности, построенная нами классификация преступлений против правосудия позволяет оценить обоснованность выбора законодателем одного из направлений уголовной политики при регламентации ответственности за посягательства подобного рода (унификации или дифференциации). Она способна помочь законодателю добиться последовательности в расположении составов внутри главы 31 УК РФ, а правоприменителю верно определить целевое назначение той или иной статьи.

Такая группировка облегчает решение вопроса о соотношении различных составов преступлений против правосудия, в ряде случаев помогает уяснить содержание признаков, недостаточно четко выраженных в законе, ибо ее построение связано с выявлением наиболее существенных особенностей рассматриваемых преступных деяний, определяющих специфику других свойств соответствующих посягательств.

Обобщение положительного опыта решения практических проблем, анализ недостатков деятельности правоприменительных органов позволяют определить направления повышения

эффективности борьбы с преступными посягательствами, осуществляемыми в сфере судопроизводства.

Сформулированные автором теоретические выводы и практические рекомендации могут быть использованы при проведении лекционных и практических занятий со студентами юридических вузов и факультетов, для подготовки методических материалов.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертации отражены в монографии объемом 16,7 п.л., учебном пособии, других 35 опубликованных работах. Результаты проведенного исследования докладывались и обсуждались в 1987-1998г.г. на международных, межреспубликанских, вузовских и межвузовских научных и научно-практических конференциях, «круглых столах» в г.г. Волгограде, Воронеже, Казани, Нижнем Новгороде, Ярославле, Краснодаре.

В 1996 г. автор сделал научное сообщение на заседании семинара по проблемам восточного права в г. Кёльне (Германия).

Диссертант участвовал в обсуждении Проекта Особенной части нового УК РФ в рамках симпозиума под эгидой Всероссийской Ассоциации уголовного и уголовно-исполнительного права (Ярославль, 1994г.).

Материалы диссертации использовались при чтении лекций по Особенной части уголовного права, преподавании спецкурсов. В 1997-1998 уч. г. на базе юридического факультета ВолГУ функционировал под руководством диссертанта спецсеминар «Уголовно-правовые средства защиты правосудия».

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, пяти глав, объединяющих 12 параграфов, и заключения, сопровождается библиографией и приложением.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, формулируются цели и задачи работы, определяются научная новизна и практическая значимость результатов исследования, характеризуется его информационная, теоретическая и эмпирическая основы, излагаются положения, выносимые на защиту.

Глава I «Теоретические аспекты построения системы составов преступлений против правосудия в свете проблемы дифференциации уголовной ответственности» служит фундаментальной базой для рассмотрения проблем, касающихся отдельных групп и видов соответствующих преступных деяний. Она содержит три параграфа.

В § 1 «Преступления против правосудия. Исторический аспект» освещается процесс формирования и развития российского уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за посягательства на правосудие. Анализируются памятники отечественного права, начиная с «Русской правды» и княжеских уставов. Автор приходит к выводу, что с периода Соборного уложения (1649г.) прослеживается тенденция консолидации норм, предусматривающих ответственность за деяния такого рода. Отмечается также, что обособление составов преступлений против правосудия в отдельные структурные элементы уголовно-правового акта присуще не только российскому законодательству.

Во втором параграфе главы I определяется значение выделения моделей анализируемых преступлений в отдельную главу УК РФ для

дифференциации оснований и пределов уголовной ответственности. С этой целью дается характеристика специфических свойств преступлений против правосудия.

Объединение законодательных конструкций рассматриваемых посягательств в рамках одного структурного элемента Уголовного кодекса диктовалось главным образом качественным своеобразием нарушаемых ими [посягательствами] общественных отношений, призванных обеспечить предпосылки, осуществление в рамках закона, а также реализацию результатов охранительной, познавательной-правоприменительной деятельности суда и содействующих ему органов и лиц.

Диссертант высказывает сомнения относительно правильности выбора законодателем места расположения ст.295 УК РФ “Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование”, полагая, что признаки, дифференцирующие ответственность за квалифицированное убийство и посягательство, предусмотренное ст.295, находятся не в области объекта преступления, а в области мотивации последнего. Было бы более логичным помещение названного состава в главу 16 УК РФ “Преступления против жизни и здоровья”.

Специфика объекта рассматриваемых в диссертации посягательств определяет и особенности их объективной стороны.

Деяние в этих преступлениях выражается преимущественно либо в форме существенного отклонения субъекта от своих процессуальных функций или невыполнения обязанностей, связанных с реализацией процессуальных актов, либо в форме воспрепятствования осуществлению подобных функций и обязанностей, в том числе в виде принуждения (понуждения) носителей таковых к поведению, мешающему решению задач правосудия. Автор в то же время отмечает, что признаки объективной стороны отдельных составов преступлений, предусмотренных в главе 31 УК РФ, описаны законодателем иначе, чем требовалось для нормативной характеристики деяний данной

группы. В диссертации, в частности, обосновывается вывод, что в данной главе должно предусматриваться наказание не за всякое психическое насилие по отношению к субъектам процессуальной деятельности в связи с осуществлением последней, а лишь за принуждение к прекращению или изменению подобной деятельности. В связи с этим предлагается реформировать ст.296 УК РФ.

По мнению соискателя, неквалифицированные составы преступлений, включенных в главу 31 УК РФ, по своей конструкции являются формальными. Исключение составляют лишь нормативные модели преступных посягательств, при описании которых законодатель в диспозиции статьи указал на последствия, от которых защищается дополнительный объект уголовно-правовой охраны (ст.312 УК РФ). Выбор именно такой конструкции при описании преступлений против правосудия обуславливается не только неопределенностью нематериального вреда, преимущественно являющегося следствием подобных общественно опасных деяний, но и способностью последних, как правило, причинять значительный урон важным социальным отношениям.

Урон этот выражается в том, что либо цели правосудия вообще оказываются недостижимыми, либо создаются неблагоприятные условия для их достижения. Если же в судебной практике законодательная презумпция вредоносности тех или иных посягательств, предусмотренных в главе 31 УК РФ, опровергается слишком часто, то не может не возникнуть сомнения или в правильности выбора конструкции состава преступления, или даже в обоснованности криминализации такого рода деяний.

В диссертации подчеркивается, что субъекты многих преступлений против правосудия обладают специальными свойствами (ст.ст.299-303, 305-308, 310, 311, 313, 314, ч.1 ст.312, ст. 315 (в части неисполнения судебного акта), ст.316 УК РФ).

Характеризуя субъективную сторону большинства анализируемых преступлений, диссертант соглашается с выводом об умышленной форме вины в их основных составах. В то же время в работе замечено, что формулировка ст.310 УК РФ допускает как умысел, так и неосторожность в преступном распространении соответствующих сведений, и обосновывается необходимость указания в данной статье на осознанный характер запрещаемого ею поведения, на заведомость последнего.

По мнению автора, единообразие в определении формы вины применительно к составам преступлений против правосудия не вполне оправданно. В диссертации аргументируется суждение о целесообразности криминализации вынесения по неосторожности неправосудного судебного акта при условии, если это повлекло тяжкие последствия. Диссертант обращает внимание на специфику целей и мотивов, включенных в качестве обязательных признаков в некоторые составы рассматриваемых преступных деяний, которая заключается в следующем. Во-первых, ответственность ни за одно из преступлений, предусмотренных в главе 31 УК РФ, не ставится в зависимость от наличия корыстной или иной личной заинтересованности. Во-вторых, определяемый в законе идеальный результат соответствующих преступлений против правосудия всегда противоположен задачам последнего (ст.ст.294, 295, 304, 309 УК РФ). В-третьих, побуждения исполнителя посягательства, принимаемые во внимание законодателем, формируются под влиянием процессуальной деятельности или деятельности, значимой для исполнения процессуальных решений (ст.ст.295, 296, 298 УК РФ).

В работе подчеркнуты особенности изложения нормативного материала при описании составов преступлений против правосудия. Во-первых, в главе 31 УК РФ законодатель иногда прибегает к бланкетной форме конструирования диспозиции статьи уголовного закона (ст.ст.300, 301, 305 УК РФ). Во-вторых, подавляющее большинство запретов и предписаний, содержащихся в данной главе, сформулированы с использованием бланкетных признаков. Отмечается

также, что несовершенство и пробелы процессуального либо уголовно-исполнительного законодательства могут затруднить уяснение смысла и применение уголовного закона, негативно повлиять на эффективность последнего. Так, по мнению соискателя, при сохранении в УПК РСФСР положения, ныне закрепленного в ч.2 ст.96, часть 2 ст.301 УК РФ вряд ли способна служить надежной гарантией от необоснованного применения заключения под стражу лица при обвинении последнего в тяжком или особо тяжком преступлении. В связи с этим предлагается данное положение из уголовно-процессуального закона исключить.

Особенности в определении законодателем пределов уголовной ответственности за преступления против правосудия диссертанту представляются следующим образом.

Во-первых, нередко изменяются нижняя и (или) верхняя границы относительно-определенных или альтернативных санкций по сравнению с минимумом и (или) максимумом санкций за сходные составы преступлений, предусмотренные в других главах Уголовного кодекса (ср. санкции ч.2 ст.105 и ст.295; ч.ч.1-2 ст.296 и ст.119; ч.ч.1-2 ст.297 и ст.130, а также 319; ч.1 ст.299, ст.300, ч.1 ст.302, ч.1 ст.305 и ч.1 ст.285 и ч.1 ст.286; ч.2 ст.303 и ст.292; ч.ч.1-2 ст.301 и ч.1 ст.127 УК РФ; и др.).

Во-вторых, обнаруживаются некоторые особенности в конструировании квалифицированных составов преступлений, а также содержании квалифицирующих признаков.

В-третьих, возможности освобождения от уголовной ответственности за преступления против правосудия, предусмотренные в Общей части УК РФ, расширяются за счет формулирования специальных оснований для такого освобождения (см. Примечание к ст.307 УК РФ).

В § 3 главы I «Классификация посягательств против правосудия и ее отражение в системе Особенной части УК РФ» выясняется структура защищаемого с помощью законоположений ст.ст.294-316 УК РФ социального

блага, имеющая, на взгляд автора, значение для классификации преступлений против правосудия с учетом общности признаков непосредственных объектов данных посягательств.

По мнению диссертанта, первой операцией при построении подобной группировки должно быть отделение преступлений, нарушающих условия, необходимые для успешного осуществления процессуальных функций и исполнения процессуальных актов, от посягательств на общественные отношения, обеспечивающие выполнение конкретных задач, стоящих перед правосудием. Каждая из этих групп преступлений может быть подвергнута дальнейшей классификации. Вместе с тем преступления, включенные в соответствующую группу, имеют некоторые общие черты, характеристика которых предложена в диссертации.

Преступления, нарушающие общественные отношения, обеспечивающие выполнение конкретных задач, стоящих перед правосудием, подразделяются автором на две группы:

- 1) посягательства на общественные отношения, обеспечивающие развитие процессуальной деятельности в соответствии с задачами правосудия (ст.ст.299-305, 307, 308 и 316 УК РФ);
- 2) посягательства на общественные отношения, обеспечивающие исполнение процессуальных актов в соответствии с задачами правосудия (посягательства, нарушающие общественные отношения, обеспечивающие обязательность процессуальных актов) (ст.312-315 УК РФ).

Дальнейшее деление составов преступлений каждой из указанных подгрупп, как представляется, следует производить, принимая во внимание конкретное содержание и тип тех задач, выполнение которых затрудняется соответствующим преступным деянием. С учетом таких качеств правосудия, как познавательно-правоприменительный характер, охранительная функция и строгая регламентированность деятельности, могут быть выделены и три блока взаимосвязанных между собою задач, решение которых законодатель

стремится обеспечить с помощью уголовно-правовых средств. Поэтому, на наш взгляд, посягательства на общественные отношения, обеспечивающие развитие процессуальной деятельности в соответствии со стоящими перед правосудием задачами, могут быть подразделены еще на три более мелкие подгруппы:

- 1) посягательства на правосудие как на познавательно-правоприменительную деятельность (ст.ст.303, 305, 307, 308 УК РФ);
- 2) посягательства на правосудие как на охранительную деятельность (ст.ст. 299, 300, 304,316 УК РФ);
- 3) посягательства на правосудие как на строго регламентированную законом деятельность (ст.ст.301, 302 УК РФ) – (посягательства на процессуальную форму).

Что же касается посягательств на общественные отношения, обеспечивающие исполнение судебных актов в соответствии с задачами правосудия, то представляется, что они могут быть подразделены на:

- 1) общие составы, касающиеся исполнения процессуальных решений в целом (ст.315 УК РФ);
- 2) составы преступлений, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие обязательность приговора в части назначенного в соответствии с законом уголовного наказания или других принудительных мер (ч.2 ст.312, ст.ст.313, 314 УК РФ);
- 3) составы преступлений, посягающих на общественные отношения, гарантирующие решение восстановительных задач исполнительного производства (ч.1 ст.312 УК РФ).

Среди норм, направленных на обеспечение выполнения участниками процессуальных отношений своих функций, следует прежде всего выделить такие, которые служат для защиты любых направлений процессуальной деятельности. Такими, в нашем понимании, должны быть признаны нормы, направленные на защиту жизни, здоровья и безопасности лиц, вовлеченных в том или ином качестве в сферу судопроизводства.

Вместе с тем для осуществления некоторых процессуальных функций требуется создание особых условий, в том числе и с помощью средств уголовного закона.

С учетом сказанного в рамках анализируемой группы преступлений могут быть выделены следующие подгруппы:

- посягательства на жизнь, здоровье и безопасность участников процессуальной и связанной с нею деятельности (ст.ст.295, 296, ч.ч.2, 3, 4 ст.309, 311 УК РФ);

- посягательства на общественные отношения, обеспечивающие благоприятные условия для осуществления отдельных процессуальных функций и исполнения судебных актов (см. ст.ст.294, 297, 298, 306, ч.1 ст.309, ст.ст.310 и 315 (в части воспрепятствования исполнению судебных актов) УК РФ).

Диссертант признает, что построенная классификация преступлений против правосудия является условной. Отдельные элементы этой группировки, как замечено в работе, носят «промежуточный» характер.

Причин тому, как представляется, несколько.

Во-первых, устанавливая уголовно-правовые нормы, направленные на защиту соответствующих отношений, законодатель не мог не учесть взаимосвязи различных направлений процессуальной деятельности и сложившейся иерархии процессуальных задач.

Второе объяснение, думается, можно усмотреть в стремлении законодателя достигнуть оптимального соотношения при установлении оснований и пределов ответственности за преступления против правосудия двух противоположных направлений уголовной политики – дифференциации и унификации (интеграции). Там, где не обнаруживается существенной разницы в уровне общественной опасности, скажем, между отклонением от процессуальной функции и воспрепятствованием реализации последней, предпочтение отдается конструкциям общего характера.

По мнению диссертанта, предложенная классификация преступлений против правосудия способна помочь правильно оценить, насколько последовательно расположены составы преступлений внутри главы 31 УК РФ. Автор, например, обращает внимание на то, что законодатель не всегда составы преступлений, на взгляд соискателя, принадлежащие к одной группе (подгруппе), располагает компактно. Так необоснованно разделены с «родственными» составами, содержащимися в ст.296 УК РФ, составы преступлений, предусмотренные в ч.ч.2-4 ст.309, ст.311 УК. Простой состав заведомо ложного доноса и состав разглашения данных предварительного расследования также логичнее было бы поместить рядом с наиболее близким к ним составом – воспрепятствования осуществлению правосудия или предварительного расследования (ст.294 УК РФ), отделив тем самым от посягательств, препятствующих осуществлению конкретных задач, стоящих перед правосудием. Состав воспрепятствования исполнению судебного акта, ответственность за которое регламентируется ст.315 УК РФ, предусматривающей одновременно наказание за неисполнение процессуальных решений, занимает несвойственное ему место. Поскольку объект рассматриваемого преступления имеет общие признаки с объектом посягательства, описываемого в ст.294 УК РФ, было бы оправданным помещение законодательной модели воспрепятствования исполнению судебного акта даже в упомянутой статье.

Думается, что предложенная классификация значима и для правоприменения. Верное определение целевого назначения той или иной статьи, включенной в главу 31 УК РФ, а следовательно, и защищаемого соответствующей нормой социального блага облегчает решение вопроса о соотношении различных составов преступлений против правосудия, в ряде случаев помогает уяснить содержание признаков, недостаточно четко выраженных в законе.

Глава II «Посягательства на правосудие как охранительную и строго регламентированную законом деятельность: проблемы правового закрепления основания уголовной ответственности» включает в себя три параграфа.

В § 1 данной главы освещаются вопросы уголовно-правовой защиты невиновного от осуждения и необоснованного обвинения.

В диссертации подчеркивается, что для решения названной задачи судопроизводства существующие уголовно-правовые средства являются недостаточными и несовершенными. На взгляд диссертанта, в ст.299 УК РФ неверно расставлены законодателем акценты в оценке общественной опасности действий, осуществляемых в отношении заведомо невиновного. Вредоносность вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого такого гражданина заключается не столько в официальном формулировании тезиса о достаточности доказательств для предъявления обвинения, сколько в том, что компетентное должностное лицо при наличии указанных в законе оснований для прекращения дела не выполнило требуемых действий.

Но если вредно продолжение уголовного преследования заведомо невиновного лица, столь же опасно и само его возбуждение. Видимо, это было учтено в УК Германии, ст. 344 которого предусматривает ответственность за преследование невиновных (Verfolgung Unschuldiger). Объективная сторона состава данного преступления включает в себя любое осознанное поведение должностного лица, действующего в рамках уголовного или другого официального процесса, которое [поведение] направлено на наказание невиновного, применение к нему принудительных мер или которое способствует развитию процесса в этом направлении. На наш взгляд, законодательный опыт Германии в данном отношении заслуживает самого пристального внимания.

Автор обращает внимание на отличие степени общественной опасности ложной информации о преступном посягательстве определенного реально существующего лица от степени общественной опасности ложного

доноса о преступлении неизвестного лица или без указания на последнее. Ведь деяние, сопряженное с ложным обвинением в совершении преступления, препятствует прежде всего осуществлению такой задачи правосудия, как ограждение невиновного от необоснованного осуждения. Не связанный с этим ложный донос затрудняет осуществление функций правоохранительных органов, отвлекает их от важной деятельности.

Столь же различаются по уровню общественной опасности простое лжесвидетельство и лжесвидетельство, отягощенное обвинением в совершении преступления конкретного лица.

По мнению соискателя, учесть существенное сходство особых видов ложного доноса и лжесвидетельства позволило бы конструирование состава ложного обвинения (оговора) заведомо невиновного лица.

С помощью данного состава можно было бы решить и проблему юридической оценки ложных заявлений обвиняемых, подозреваемых, подсудимых о совершении преступления другими лицами. В диссертации высказано также суждение, что искусственное создание доказательств обвинения опасно само по себе, независимо от того, сопровождается ли оно другими деяниями, признанные законом преступными, и поэтому должно рассматриваться как самостоятельное преступление.

Разновидностью подобных действий диссертант считает провокацию взятки и коммерческого подкупа, обращая внимание на несоответствие описания признаков объективной стороны данного преступления характеристике его цели. Сущность указанного посягательства по УК РФ заключается не в создании условий, обстановки, в которых взятка будет принята, а в создании видимости, формировании ложных данных о том, что взятка должностным лицом принимается или была принята.

§ 2 главы II посвящен преступлениям против правосудия, препятствующим реализации уголовной ответственности, применению справедливого наказания.

По мнению автора, формулировка ст.300 УК РФ не вполне соответствует смыслу последней в связи с чем диспозицию названной статьи предлагается изложить следующим образом.

«Освобождение прокурором, следователем или лицом, производящим дознание, от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, при отсутствии оснований и условий, указанных в уголовном законе».

Автор также подчеркивает, что отказ от регламентации института укрывательства в Общей части уголовного закона имеет ряд негативных последствий. В качестве такового, в частности, может рассматриваться исчезновение из Уголовного кодекса определения общего понятия заранее не обещанного укрывательства, которое ранее давалось в ст. 18 УК РСФСР. В этой связи описание признаков состава укрывательства непосредственно в ст. 316 УК РФ представляются необходимым. На наш взгляд, такое описание должно охватывать все формы противодействия государственным органам в решении ими задачи изобличения лиц, совершивших преступление, обеспечении реализации уголовной ответственности, применения справедливого наказания, за исключением ситуаций, находящихся отражение в специальных нормах уголовного права или признаваемых уголовным законом извинительными.

В диссертации обосновывается вывод о том, что проблема приведения в соответствие наказуемости укрывательства и его особой, учтенной законодателем формы – лжесвидетельства – должна решаться путем установления ответственности за укрывательство тяжких преступлений и декриминализации лжесвидетельства в отношении преступлений небольшой или средней тяжести, если таковое не сопряжено с обвинением конкретного лица и не повлекло тяжких последствий.

В третьем параграфе главы II *«Посагательства на правосудие как строго регламентированную законом деятельность»* отмечается, что дифференцирующие свойства некоторых из составов подобных

посягательств выражены в законе слабо. Немало проблем связано с толкованием понятия «иные незаконные действия», которые законодатель называет в качестве способа принуждения к даче показаний (ст.302 УК РФ). Ведь это понятие не имеет определения в УПК РСФСР и является собирательным. К тому же далеко не всякое нарушение закона, в том числе и уголовно-процессуального, допущенное в процессе получения показаний, может быть расценено как общественно опасный метод воздействия на допрашиваемого. Диссертант предлагает по примеру УК Германии (ст.343) установить в уголовном законе исчерпывающий перечень преступных способов принуждения к даче показаний.

Глава III диссертации *«Посягательства на правосудие как познавательно-правоприменительную деятельность»* состоит из двух параграфов.

В § 1 данной главы поднимаются проблемы законодательной регламентации вынесения заведомо неправосудного судебного акта, обращено внимание на нечеткое описание признаков указанного состава преступления, в частности свойств субъектов. По мнению диссертанта, закон должен относить к числу последних всех лиц, которые принимают участие в отправлении правосудия и вынесении судебных актов: судей, присяжных, народных и арбитражных заседателей, на что целесообразно прямо указать в тексте ст.305 УК РФ.

§ 2 главы III посвящен проблемам регламентации уголовно-правовых средств обеспечения процессуального доказывания.

Анализируя ст.303 УК РФ, автор отмечает что названным составом охватываются далеко не все деяния соответствующих субъектов, заключающиеся в умышленном искажении фактических данных по делу.

В свете сказанного представляется необходимым, чтобы в ст.303 УК РФ предусматривалась ответственность не только за применение тех способов искажения или сокрытия истины по делу, которые охватываются термином

«фальсификация доказательств», но и за использование с той же целью других приемов воздействия на содержание или форму доказательств, а также за отказ или уклонение от процессуального закрепления полученных фактических данных или от приобщения к делу имеющих доказательственное значение документов. Здесь же обосновывается вывод о целесообразности включения в перечень субъектов преступления, предусмотренного ч.2 ст.303 УК РФ, осуществляющих правосудие лиц.

Диссертант считает пробелом в уголовном законодательстве отсутствие нормы, предусматривающей ответственность за ложное показание эксперта. Предлагается также указать в законе на исключение из круга лиц, несущих ответственность за лжесвидетельство, граждан, дающих показание по фактам, имеющим непосредственное отношение к их криминальному поведению, если ложное показание не было связано с оговором заведомо невиновного лица.

Автор, кроме того, приводит аргументы в пользу декриминализации отказа от дачи показаний.

Глава IV «Проблемы уголовно-правового обеспечения предпосылок для осуществления процессуальных функций и обязательности процессуальных актов» объединяет два параграфа.

§ 1 данной главы посвящен проблемам законодательной регламентации ответственности за посягательства на общественные отношения, обеспечивающие обязательность процессуальных актов.

По мнению диссертанта, в ст.315 УК РФ предусматривается наказание за два самостоятельных посягательства, различающиеся между собой не только по признакам объективной стороны, но и по кругу субъектов, их совершивших. В отличие от субъекта злостного неисполнения судебного акта, для лица, подлежащего ответственности за воспрепятствование исполнению процессуальных решений, не обязательны специальные качества.

На наш взгляд, во избежание чрезмерно узкого определения круга субъектов воспрепятствования исполнению судебных актов ст.315 УК РФ по крайней мере должна быть структурно изменена. В ней следовало бы предусмотреть две части, в каждой из которых описывался бы самостоятельный состав преступления. Но предпочтительнее был бы вариант закрепления законодательных моделей злостного неисполнения судебного акта и воспрепятствования их исполнению в различных статьях Уголовного кодекса.

В диссертации также подчеркивается, что необходимость обеспечения обязательности приговора предопределила объявление преступным деянием побега из мест лишения свободы или из-под стражи. Однако обращается внимание на целесообразность изменения регламентации ответственности за названное общественно опасное деяние. Аргументируется вывод о важности отражения в законе длящегося характера рассматриваемого преступления путем указания в диспозиции ст.313 УК РФ на цель уклонения от отбывания наказания или сокрытия от следствия и суда. Предлагается во избежание разногласий в толковании понятия «находящийся в предварительном заключении» расшифровать это понятие, для чего сопроводить упомянутую статью примечанием. В последнем необходимо разъяснить: «Под лицом, находящимся в предварительном заключении, в настоящей статье понимаются обвиняемые и подозреваемые, заключенные под стражу в порядке меры пресечения, а равно задержанные в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством».

Анализируя положения ст.314 УК РФ, автор обращает внимание на несоответствие описания признаков субъектов уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы уголовно-исполнительному законодательству, а также нормативной характеристике объективной стороны данного преступления. В диссертации сформулировано предложение об изменении редакции диспозиции упомянутой статьи, об

установлении в последней ответственности за злостное уклонение осужденного от явки в суд.

В § 2 главы IV освещаются вопросы правовой регламентации основания уголовной ответственности за преступления, нарушающие условия для осуществления процессуальных функций и деятельности по исполнению судебных актов.

Отмечается несовершенство редакции ст.295 УК РФ. По мнению диссертанта, аргументируемому в работе, круг потерпевших от указанного в данной статье преступления определен слишком узко, предлагается расширить перечень таковых. Приводятся соображения в пользу уточнения признаков объективной стороны преступного деяния, а также высказываются сомнения относительно возможности применения санкции этой нормы к несовершеннолетним.

Автор считает необходимым укрепление уголовно-правовых гарантий процессуальных прав лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, поскольку в настоящее время еще не обеспечена защита такого гражданина от принуждения к даче ложных показаний со стороны частных лиц. В работе сформулировано предложение о внесении соответствующих дополнений в ст.309 УК РФ. Указывается на целесообразность более широко определить цель данного преступления, включить в ее содержание побуждение к отказу от дачи показаний.

В диссертации обращается внимание на несоответствие названия ст.294 УК РФ ее содержанию. Аргументируется суждение о целесообразности установления запрета не только на вмешательство в деятельность суда, но и на иное умышленное создание препятствий для отправления правосудия, в том числе выраженное в бездействии. Подчеркивается также, что воспрепятствовать всестороннему и объективному расследованию уголовного дела можно также путем вмешательства в деятельность, связанную с решением вопроса о возбуждении дела. А поскольку данный вопрос

наряду с другими компетентными лицами и органами может также решать орган дознания, понятие которого не совпадает с понятием «лицо, производящее дознание», неправомерное воздействие на этот орган также следовало бы расценить как воспрепятствование производству предварительного расследования. Но ч.2 ст.294 УК такой возможности не предоставляет, что, на наш взгляд, следует рассматривать как пробел в уголовном законодательстве.

По мнению диссертанта, законодатель, говоря в ст.297 УК РФ об участниках судебного разбирательства, имел в виду субъектов всех судебных стадий. Поэтому удачнее было бы употребление в ч.1 ст.297 УК более емкого термина «участники судебного процесса». Обосновывается необходимость закрепления в уголовно-процессуальном законе правила о разьяснении субъектам процессуальной деятельности обязанности воздерживаться от оскорбительных действий и высказываний и о предупреждении об ответственности за подобные деяния.

Автор высказывает сомнения относительно правильности конструирования состава разглашения данных предварительного расследования по типу формального, приводя ряд аргументов в защиту своей позиции. Обращено также внимание на необходимость внесения изменений в процессуальный закон, касающихся определения порядка предупреждения о недопустимости разглашения данных дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно.

В диссертации отмечено, что поводом к возбуждению уголовного дела является и непосредственное обнаружение органом дознания, следователем, прокурором или судом признаков преступления. Но указанные признаки могут быть установлены компетентными органами в результате инсценировки преступления, иного искусственного создания доказательственной базы. Предлагается поэтому более широко определить содержание объективной стороны состава преступления, предусмотренного

ст.306 УК РФ. Автор, кроме того, поддерживает позицию ученых, обосновывающих целесообразность конструирования самостоятельного состава сокрытия преступлений от учета и регистрации и отказ (уклонение) от принятия своевременных мер по полученной информации.

Глава V «Квалифицирующие признаки и специальные виды освобождения от уголовной ответственности как средства ее дифференциации за преступления против правосудия» состоит из двух параграфов.

§ 1 данной главы посвящен проблемам дифференциации ответственности за преступления против правосудия посредством конструирования квалифицированных составов.

Диссертантом замечено, что специфика конструктивных признаков преступлений против правосудия нередко предопределяет своеобразие квалифицирующих обстоятельств. Указывается, в частности, на особенности содержания такого часто повторяющегося в уголовном законе признака, как «причинение деянием тяжких последствий», на использование в гл.31 УК РФ необычных для других преступлений признаков. Подчеркивается, что дифференцирующие свойства квалифицирующих признаков в градации уголовной ответственности за преступления против правосудия используются недостаточно. Правила конструирования квалифицированных составов нередко нарушаются. Сущность посягательств против правосудия не всегда учитывается.

Так, в ч.4 ст.309 УК РФ устанавливается повышенная ответственность за деяния, предусмотренные в ч.1 или ч.2 этой статьи, если они совершены организованной группой. Однако включение данного обстоятельства в число квалифицирующих признаков анализируемого преступления, по мнению диссертанта, необоснованно. Подобный уровень согласованности поведения соучастников нетипичен для указанного посягательства. Если уж и учитывать общественную опасность группового характера посягательства, то

начинать следовало с такого квалифицирующего признака как «совершение преступления по предварительному сговору группой лиц». Отмечается также недостаточность дифференциации ответственности за лжесвидетельство. По мнению диссертанта, целесообразно было бы в качестве квалифицирующего признака этого преступления предусмотреть следующий: «... те же действия, если они совершены свидетелем (потерпевшим, экспертом, переводчиком) по предварительному сговору о даче ложных показаний с другими лицами». Диссертант при этом поясняет, почему привычный для УК РФ признак «совершение преступления по предварительному сговору группой лиц» в данном случае не может быть использован. Обосновывается целесообразность установления более сурового наказания за лжесвидетельство, повлекшее тяжкие последствия.

Анализируя недостатки формы описания отдельных квалифицированных составов преступлений против правосудия, автор считает целесообразным внесение изменений в ч.ч.3 и 4 ст. 296 УК РФ. По мнению диссертанта, насилие при совершении анализируемого преступного деяния может служить не только средством, подкрепляющим угрозу, но и самостоятельным способом подобного принуждения. Поэтому для построения рассматриваемых квалифицированного и особо квалифицированного составов целесообразнее было бы избрать нетрадиционный способ конструирования, предполагающий воспроизведение в тексте диспозиции тех признаков основного состава, которые обязательны и для квалифицированного.

§ 2 главы V посвящен специальным видам освобождения от уголовной ответственности за преступления против правосудия как средству дифференциации такой ответственности. Целесообразность использования подобного средства определяется спецификой охраняемых главой 31 УК РФ общественных отношений – осуществлением их в течение определенного отрезка времени и периодической повторяемостью.

В диссертации предлагается усовершенствовать формулировку Примечания к ст.307 УК РФ, содержащего указание на одно из специальных оснований подобного освобождения, призванного послужить стимулом для дачи субъектами истинных показаний, а также для предотвращения причинения еще более тяжкого вреда правосудию.

Уделено внимание вопросу о соотношении специальных видов освобождения от уголовной ответственности и освобождения от таковой в связи с деятельным раскаянием. По мнению соискателя, обосновываемому в диссертации, упомянутое Примечание нельзя рассматривать только как конкретизацию предписаний, зафиксированных в ч.2 ст.75 УК РФ. На взгляд автора, принципиальную возможность освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части Уголовного кодекса следовало бы предусмотреть в отдельной статье, а не в статье о деятельном раскаянии, ибо основанием специальных видов освобождения от уголовной ответственности может быть не только деятельное раскаяние, но и в частности, добровольное заявление о совершении преступления, продиктованное иными мотивами.

Диссертант также высказывается за расширение круга специальных видов освобождения от уголовной ответственности за преступления против правосудия, предлагая сопроводить соответствующими примечаниями ст.ст. 306, 313, 314 УК РФ.

В заключении в систематизированном виде изложены предложения по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих опубликованных работах автора:

Монографии и учебные пособия

1. Уголовная ответственность за ложную информацию и понуждение к нарушению обязанности содействовать правосудию: Учебное пособие. Волгоград, 1997. 4,8 п. л.
2. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. 16,7 п.л.

Научные статьи и тезисы

1. Некоторые аспекты применения ст. 176 УК РСФСР // Проблемы совершенствования правоприменительной деятельности: Тезисы IV межвузовской конференции молодых ученых-юристов. Воронеж, 1990. 0,15 п.л.
2. Некоторые проблемы развития законодательства об освобождении от уголовной ответственности в условиях правовой реформы // Современная правовая система в период перестройки: Сборник научных трудов. Волгоград, 1990. 0,25 п. л.
3. Административная юрисдикция, уголовная ответственность и права человека // Административное право и права человека: Тезисы докладов межреспубликанской научной конференции. Волгоград, 1990. 0,1 п. л.
4. Об отражении процессуальных положений в уголовном законе // Актуальные проблемы правовой защиты личности в уголовном судопроизводстве: Сборник научных трудов. Ярославль, 1990. 0,25 п. л.
5. Уголовная ответственность как гарантия принципа независимости судей и подчинения их только закону // Юридическая ответственность: общие проблемы и отраслевые особенности: Тезисы докладов межвузовской конференции молодых ученых-юристов. Владивосток, 1990. 0,1 п. л.
6. Применение закона о преступлениях против правосудия (Вопросы совокупности и конкуренции норм) // Проблемы обеспечения законности в

механизме правоприменения: Тезисы докладов межреспубликанской научно-практической конференции. Волгоград, 1991. 0,1 п. л.

7. Уголовно-правовые средства обеспечения юридической защищенности участников процесса // Проблемы правовой защищенности личности в уголовном судопроизводстве: Сборник научных трудов. Ярославль, 1991. 0,3 п.л.

8. К вопросу о криминализации и декриминализации посягательств против правосудия // Уголовная политика и совершенствование законодательства: Межвузовский сборник научных трудов. Кемерово, 1992. 0,35 п.л.

9. Проблемы уголовно-правовой защиты свидетеля в условиях правовой реформы // Современные проблемы расследования преступлений: Материалы межвузовской конференции. Волгоград, 1992. 0,15 п.л.

10. О совершенствовании законодательства об ответственности за преступления против правосудия // Теоретические проблемы реформы российского законодательства: Сборник научных трудов. Воронеж, 1993. 0,15 п.л.

11. Об употреблении термина «привлечение к уголовной ответственности» в уголовном законе // Категориальный аппарат уголовного права и процесса: Сборник научных трудов. Ярославль, 1993. 0,4 п. л.

12. Об укреплении уголовно-правовых гарантий защищенности участников предварительного расследования // Участники предварительного расследования и обеспечение их прав и законных интересов: Сборник научных трудов. Волгоград, 1993. 0,4 п.л.

13. О влиянии на ответственность процессуального поведения виновного // Дифференциация ответственности в уголовном праве и процессе: Сборник научных статей и тезисов. Ярославль, 1994. 0,45 п. л.

14. Ответственность за преступления против правосудия по проекту Особенной части Уголовного кодекса // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса

Российской Федерации): Сборник научных статей и тезисов. Ярославль, 1994. 0,15 п. л.

15. Дифференциация ответственности за процессуальное правонарушение // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве (материальный и процессуальный аспекты): Сборник научных статей. Ярославль, 1995. 0,55 п. л.

16. Проект УК Российской Федерации об уголовной ответственности должностных лиц правоохранительных органов // Становление правового порядка в Российском государстве: реальность и перспектива (социально-правовые проблемы): Сборник научных статей. Саратов, 1995. 0,15 п. л.

17. К вопросу об уголовно-правовой оценке ложных заявлений обвиняемого в уголовном процессе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Право. Выпуск 1. Волгоград, 1996. 0,3 п. л.

18. Добровольное сообщение о совершении преступления: старые и новые проблемы расследования // Актуальные вопросы предварительного расследования: Межвузовский сборник научных трудов. Волгоград, 1997. 0,4 п. л.

19. Некоторые вопросы регламентации ответственности за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или содействующего ему // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика, Право. Выпуск 2. Волгоград, 1997. 0,35 п. л.

20. Einige Besonderheiten der Strafbarkeit von Aussagedelikten im deutschen Strafgesetzbuch und im neuen Strafgesetzbuch Rußlands (eine rechtsvergleichende Analyse) // Osteuropa. Recht. 1997. Heft 2-3. 0,75 п. л.

21. К вопросу о соответствии наименования и содержания статьи 75 УК РФ // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве: Сборник научных статей. Ярославль, 1997. 0,5 п. л.

22. Об освобождении от уголовной ответственности за заведомо ложные показания, заключение эксперта или неправильный перевод // Российская юстиция. 1997. № 9. 0,25 п.л.

23. Незаконное освобождение от уголовной ответственности: проблемы квалификации и правовой регламентации // Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: Сборник научных статей. Ярославль, 1998. 0,45 п.л.

24. Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний: проблемы уголовно-правовой квалификации и законодательной регламентации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Политика. Социология. Право. Выпуск 1. Волгоград, 1998. 0,3 п.л.

25. Явка с повинной по новому УК: понятие и значение // Уголовное законодательство: история и современные проблемы: Тезисы докладов и сообщений межвузовской научно-практической конференции. Волгоград, 1998. 0,25 п.л.

26. Свобода давать показания и ее уголовно-правовые ограничения в свете международных стандартов // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву: Сборник научных трудов. Часть II. Том. 1. Н.Новгород, 1998. 0,4 п.л.

27. Некоторые проблемы регламентации уголовной ответственности за уклонение от отбывания уголовного наказания // Современные проблемы правоприменения (на опыте судов, органов прокуратуры, иных органов правоприменения Хабаровского края): Сборник тезисов, докладов, сообщений региональной научно-практической конференции (25-26 февраля 1998 года). Хабаровск, 1998. 0,2 п.л.

28. Проблемы уголовно-правовой защиты интересов участников процесса на современном этапе // Festschrift - 5 Jahre wissenschaftliche Zusammenarbeit der Universitäten Köln und Wolgograd (1993 - 1998). Köln, 1998. 0, 25 п.л.

29. Принуждение к заведомо ложному показанию и нарушению обязанности содействовать правосудию // Российская юстиция. 1998. № 5. 0,5 п.л.

30. Уголовная ответственность за неуважение к суду // Российская юстиция. 1998. № 8. 0,2 п.л.

31. Свобода давать показания и ее уголовно-правовые гарантии и ограничения в свете международных стандартов: Тезисы выступления на «Круглом столе» журнала «Государство и право» «Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву» // Государство и право. 1998. № 10. 0,1 п.л.

32. Об уголовно-правовом значении добровольного заявления о совершении преступления // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 40-летию юридического факультета ДВГУ (28 сентября - 2 октября 1998 г.). Владивосток, 1998. 0,25 п.л.

33. Некоторые аспекты уголовно-правового обеспечения безопасности участников процесса // Актуальные проблемы уголовного законодательства Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (29 - 30 мая 1998 г.). Краснодар, 1998. 0,5 п.л.

34. Провокация взятки: некоторые проблемы квалификации и законодательной регламентации // Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: Сборник научных статей. Ярославль, 1999. 0,5 п.л.

35. Субъект уклонения от отбывания лишения свободы // Законность. 1999. № 3. 0,2 п.л.

Медведев

2258 20404
3001 51105
1049 190706
1767 50707

Подписано в печать 3.05.2017 Формат 60х84/16.
Бумага типографская № 1. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 3.
Тираж 100 экз. Заказ 185

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30.